

Н.В. Халина

**Философия языка славянской
художественной культуры
и естественный вкус Европы конца XX в.**

Естественный вкус в Энциклопедии Дидро и Даламбера связывается с естественными наслаждениями души, которые дают ей любознательность, идеи величия и своих совершенств, мысль о своем существовании, противостоящую ощущению мрака, удовольствие от возможности объять все с помощью общей идеи, от возможности наблюдать большое число вещей, от возможности сравнивать идеи, соединять и разделять их [1]. Пытаясь воссоздать особенности вкуса, прежде всего языкового, мы создаем набросок души, познаваемой, по мнению авторов Энциклопедии, с помощью мыслей и чувств, благодаря которым она получает наслаждение.

История души европейского человека конца второго тысячелетия непосредственно соотносится с историей мысли, в XIX в. характеризуемой, с точки зрения русского философа и психолога П.Е. Астафьева, смещением форм, в которых прежнее человечество мыслило о предметах. Задачей для мысли человечества до XIX в., считает автор, представлялось или познание форм и законов явлений природы, жизни, истории; или выяснение идеалов, которыми должна руководствоваться сознательная деятельность, мысль, воля и чувства в определении своих задач и оценке своих чувств; или рассмотрение всякого факта, представляемого действительностью, как произведения творческой, деятельной силы, восстанавливающей единство между двумя большими областями мысли: мыслью о сущем, реальном, и мыслью о должествующем быть, идеальном [2].

XIX в. для европейского общества, по мнению П.Е. Астафьева, отмечен обретением поучительнейшего и грандиознейшего опыта, когда-либо предпринятого историей: опыта удовлетворения желания, удовлетворения, которое только развивает потребность, делает ее еще труднее удовлетворимой. «Таким образом, живя одним желанием и лишь с его точки зрения признавая и ценя все то, что есть (действительность), и все то, что должно быть (идеалы), человек рано или поздно, но неизбежно утрачивает не только всякий след веры, надежды и любви, не только энергию воли и свежесть чувства, не только признание какой-либо ценности и за окружающей действительностью, и за собственной жизнью,

но и самое счастье, возможность того личного благополучия, на котором он сосредоточил все свои помыслы и стремления» [2, с. 159–160].

Естественный вкус европейского человека конца XX в. измеряется категорией текста, который, вслед за Ю. Кристевой, уместней определить в данном случае как способ трансформирования реальности, транслингвистический аппарат, перераспределяющий порядок языка; ритмическое чередование парных категорий; прохождение инстинктивных ритмов через определенные положения, производящее значение, всегда избыточное по отношению к предшествующему [3]. Особо актуальной становится проблема осуществления с помощью текста субъектом своей воли, или власти. В работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари власть, или способность осуществлять свою волю, рассматривается как субпродукт «производства желания» [4], представленный в форме дискурсивной стратегии и детерминирующий первичный уровень принуждения. Согласно концепции Р. Барта, между властными, волевыми и языковыми структурами возможны либо кооперативные (сотрудничество) отношения, либо оппозиционные (противоборство) [5]. Первый вариант взаимодействия скрепляется энкратическими языками, второй поддерживается акратическими. Энкратический язык характеризуется как язык массовой культуры, язык всепроникающий («липкий»), создающий иллюзорное ощущение естественности своего использования–употребления. Это язык доксы (расхожих мнений), что содействует естественному и натуральному восприятию его массовым сознанием: он выглядит как «природный». Акратический язык рассматривается в качестве культурного феномена, в рамках которого рефлексивная компонента предельно акцентирована. Средой обращения подобного языка являются преимущественно концептуальные системы, что неизбежно, по мнению Р. Барта, ведет к его дифференциации: возникают языковые размежевания, конфликты, разделы. Уместно говорить о силовых отношениях внутри конкретной дискурсивной среды: «сильная» языковая система способна функционировать (поддерживать свой культурный статус) в любых условиях, сохраняя свою энергию, независимо от культурного

статуса соответствующих «фикций», т.е. «вопреки ничтожности реальных носителей языка» [5].

Особое внимание привлекает функционирование славянской культуры в среде европейской аксиологии – глубинных семиотических структур коллективного семантического мира [6], поскольку в информационном контексте наступившего тысячелетия неизбежно «превращение строя языка, которое, по наблюдениям И.И. Срезневского, «будучи вместе и превращением его состава, превратит и логику народа» [7, с. 21]. Исследуя «славянскую» логику, возможно составить представление об энергичном потенциале славянской культуры в современном информационном (сетевом) пространстве коммуникации. Объектом изучения решено было избрать произведения авторов славянского происхождения, но живущих за пределами исторической родины и работающих в семиотической системе французского языка – чеха Милана Кундеры [8] и французского писателя русского происхождения Романа Гари (Романа Касева) [9].

Для рассмотрения языковых особенностей славянской художественной культуры были взяты пробы из романа М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» и Р. Гари «Воздушные змеи».

Полученные пробы позволяют высказать некоторые соображения о синтаксисе славянской мысли, представленной в тексте художественной культуры: сама мысль должна оцениваться как особого типа артефакт, т.е. произведение искусства, а синтаксис в его логическом понимании – в качестве изучения правил преобразования системы. Под системой в данном случае имеется в виду славянская культура, определяемая как ризоморфная среда, которая в соответствии с концепцией Ж. Делеза и Ф. Гваттари [4] состоит из неоднородных тем, различных дат и уровней. В ризоморфной среде могут быть выделены линии артикуляции и расчленения, страты, территориальности. Подобные линии обеспечивают контурную стабильность среды, задавая, предполагая, однако, и ее динамическую подвижность: линии членения перманентно подвижны, поскольку предполагают своего рода «разрывы» – переходы текста, маркирующего парадигму мышления, и соответственно ризоморфной среды, в иное состояние, отличающееся отсутствием жесткой и универсальной стратификации. Отождествляя текст художественной культуры со средой, детерминировавшей его появление и поддерживающей его существование, выделяем

в первом линии разрыва, т.е. линии стратификации, территориализации.

В тексте М. Кундеры прочерченные линии создают предпосылки для перехода славянской культуры через посредство рассматриваемого текста в состоянии парресии, или «свободоречия», права говорить перед Богом или людьми без боязни, без робости и смущения. Если классическое античное сознание рассматривает паррессию в качестве атрибута полноправного гражданина в кругу равных, то христианское сознание усматривает в ней дар Бога, утраченный человеком при грехопадении [10].

Парресия позволяет обнаружить такую синтаксическую формацию языковой и мыслительной славянских культур, как высказывание. Под высказыванием, в соответствии с концепцией Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, понимается формация, имеющая свою звуковую или графическую внешнюю оболочку (делимитационные сигналы и пр.) и организованную с учетом тематического построения коммуниканта, а также конситуации, т.е. актуального членения [11]. Подобная формация приспособлена для функционирования в качестве сегмента коммуниканта или самостоятельного коммуниканта.

В тексте Р. Гари линии членения переконструируют пространство текста в форму икоса – особой поэтической строфы, являющейся частью кондака («кондакиона»)*. Слово @Г6@Н буквально означает «дом». Употребление этого слова в качестве литературного термина отражает влияние сирийского языка, в котором совмещается в одной лексеме baitha значений «дом» и «строфа стихотворения» так же, как и в арабском термине bait согласуются значения «дом», «двустипшие», «байт» [10].

Икос маркирует такую синтаксическую формацию, как предложение. Под предложением, в соответствии с концепцией Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, понимается специфическая грамматическая формация, предназначенная для высказывания и имеющая специфическое грамматическое средство для выражения предикативной актуализации.

Синтаксические формации «предложение» и «высказывание» – формы воплощения славянской мысли как артефакта, презентующие функционирование славянской художественной культуры, тождественное жизнедеятельности живого организма. «Жизнедеятельность каждого организма, – считает Н.А. Бернштейн, – есть

* «Слово «кондакион» означает «палочку» и отсюда свиток, наматываемый на палочку. В своем терминологическом употреблении оно засвидетельствовано не ранее IX в.; в позднейшем церковном обиходе оно стало применяться к небольшим песнопениям в честь праздника или святого, по объему и несложной структуре похожим на тропарь и отличным от него лишь по своему месту в составе богослужебного действия» [10, с. 221].

не уравнивание его со средой и с падающим на него потоком стимулирующих воздействий, а активное преодоление среды» [12, с. 314]. По словам В.А. Энгельгарда, главнейшим свойством живого является способность к самовоспроизведению [13], под которым понимается способность системы при определенных условиях окружающей среды, включающих приток свободной энергии (и соответственно экспорт энтропии), получать копии исходной системы. Рассматриваемые синтаксические формации следует расценивать как акратические копии славянской культуры, обеспечивающие ее эпистемическое воспроизводство. Напомним, что под эпистемой понимается исторически изменяющаяся структура, которая определяет условия возможности образований сознания и культуры в конкретный исторический период [14]. Подобные синтаксические формации маркируют ход эволюции славянской культуры. «Ход эволюции, – отмечает П.В. Серебровский, – есть постепенное освобождение от власти среды. Спускаясь в глубь времен, мы видим все большую и большую зависимость от среды. На протяжении этой линии лежит наименьшая автономность организма, а еще дальше – единство живого и мертвого» [15, с. 219].

«Линеаризация» славянской культуры, ее этапы представлены в синтаксической формации «предложение». Исследуемый роман Р. Гари иллюстрирует наличие двух потребностей славянской культуры как живой системы, выражающих основания активности системы. Первая потребность-параметр – квантование мира и систематизация впечатлений в форме языковых событий. Вторая потребность-параметр – «процветание», открытость. Живые системы являют собой системы открытые, существующие в принципиально неравновесных средах; системы, «процветающие» в неравновесных средах, получили название диссипативных [13]. Открытые диссипативные системы характеризуются непрерывным обменом веществ, энергией и информацией с окружающей средой, что для славянской культуры фиксируется в синтаксической формации «высказывание». Реализации второй потребности, фиксируемой в иерархизированной пропозиции, предшествует линеаризация – определение линии разрыва, т.е. перехода ризоморфной среды в иное состояние, когда ядерным компонентам языковых событий приписывается новый признак-функция. Происходит усложнение семантических структур через введение дополнительных лексико-морфологических структур, свидетельствующее об эволюционировании первых, возрастающем раз-

нообразии, которое характеризуется внутренней устойчивостью. Порождаемое разнообразие в рамках целого, считает Ю.В. Сачков, можно рассматривать как порождение новых специализаций, повышающих функциональную деятельность системы [16], для славянской культуры – прежде всего деятельность экспрессивно-интеллектуальную. И.И. Шмальгаузен, в свою очередь, отмечает, что функциональные дифференцировки возникают под влиянием самой функции, в ходе эволюции происходит стабилизация этих дифференцировок и включение в число автономно развивающихся структур через смену морфогенных факторов [17]. К числу последних следует, по нашему мнению, отнести актуализации пропозитивной предикации, осуществленные в синтаксической формации «высказывание» в процессе иерархизации элементов пропозиции.

Иерархизированная пропозиция в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» обращает на себя внимание двойностью, детерминированной коммуникативным мышлением, которое обязательно при употреблении слов, поскольку соотносит их с одной из двух общих категорий – категорий предмета и признака [18]. Организующий принцип процесса коммуникативного мышления – парная категория предикации/предикативности, отражающая единство неличностного и личностного миров, а также представляющая сущность повседневного бытия, его внутреннюю связь. «Вся действительность – это развитие, реализация сущности. Внутренняя природа сущности – в единстве противоположных сторон. Сущность в широком понимании есть исходная связь, которая трактуется через парные категории сущности и явления, возможности и действительности, необходимости и случайности» [19, с. 11].

Коммуникативное мышление человека активизируется в тех случаях, в тех исторических условиях, когда оно не обладает полным знанием ситуации, в которой он действует, что характерно для рубежа тысячелетий, трансформирующего дискурс «Возрождение/гуманизм» в дискурсивную формацию «перерождение/прагматизм=конструктивизм».

Результатом деятельности коммуникативного мышления становится отыскание новых форм непрерывности, определенной формы связи, обеспечивающей смысловые приращения на уровне макротекста – исторического процесса. В романе М. Кундеры представлена подобная форма связи – иерархизированная пропозиция, демонстрирующая прагматическую ценность единства мира, сводимую к положению о том, что «все вещи связаны и соединены друг с другом».

каким-нибудь образом и что практически мир существует в виде ряда сетей и сцеплений, делающих из него некоторую непрерывность и «цельность» [20, с. 260]. Это образец частично-рекуррентных сетей Элмана и Жордана [21], особые вычислительные структуры, моделирующие двигательную сторону жизни «внутреннего языкового сознания» [22].

Особенностью жизни внутреннего языкового сознания является присутствие пустого знака, фиксирующего в контексте постмодернистской философии парадигмальную презумпцию на восприятие семиотических сред как самодостаточной реальности, детерминирующее программную открытость значения (в нашем случае предложения «Они очутились там, откуда уже никуда не уйти»), определяемую, в свою очередь, множественностью его культурных интерпретаций. Именно внетекстовое «трансцендентальное означаемое» становится объективной реальностью, абсолютно предшествующей всякой работе означивания, семантическим содержанием или формой присутствия, гарантирующей извне движение общего текста [23]. «То, что мы в общем виде называем означаемым – значение или понятийное содержание высказывания, – должно рассматриваться, скорее, как видимость значения, объективный мираж... порожденный и сформированный соотношением означивающих между собой» [24, с. 134].

Программная открытость значения интерпретируема с позиций онтологической модели структуры лексического значения.

В рамках заявленной модели, в соответствии с концепцией М.Н. Яценецкой, фиксируется место слова в онтологии языка, в разного вида лексических и тематических парадигмах, передающих представление человека об онтологии окружающего мира [25]. «Репрезентируя онтологическую модель лексического значения, сло-

во предстает как классификационная единица, отражающая место называемого явления (объекта) в онтологической картине материального и духовного мира» [25, с. 30].

Внутренняя активность славянской культуры как автономной системы обусловлена активностью (жизнедеятельностью) внутреннего языкового сознания, сочетательная рефлексивность которого концептуализируется в онтологической модели лексического значения, получающей плоскостную развертку в тексте славянской художественной культуры в виде иерархизированной пропозиции, отвечающей принципу максимального разнообразия [26], действующего на духовном уровне.

Синтаксические формации «предложение» и «высказывание» в славянской культуре представляют языковое изображение резонансного взаимодействия внешних впечатлений (реальных) и впечатлений прошлых (виртуальных), оставивших след. Существо подобного взаимодействия, с опорой на концепцию Ф. Капры [27], можно объяснить через цикличность вращения вокруг объекта созерцания и формирование многомерного впечатления путем наложения единичных впечатлений. Получаемая в результате цикличности вращения мысли концептуальная система тождественна системе предикатов славянской праксиологии, или логической системе топосной концептуализации, отвечающей за преобразование топоса. Топос, по мысли известного японского философа К. Куроды [28], означает живую реальную действительность, или действительное место в истории, т.е. в материальном мире, который содержит в себе и Природу человека (*natura naturata*), и детерминированное исторически общественное существование, и внешнюю Природу (*natura naturans*), которая противостоит человеческим существам.

Литература

1. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. – М., 1994.
2. Астафьев П.Е. Из итогов века // П.Е. Астафьев. Философия нации и единство мировоззрения. – М., 2000.
3. Kristeva J. Recherches pour une sémanalyse. – Paris, 1969.
4. Deleuze J., Guattari F. Rhizome. – Paris, 1976.
5. Барг Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика. – М., 1994.
6. Греймас А.Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А.Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. – М., 1983.
7. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М., 1959.
8. Кундера М. Невыносимая легкость бытия // Иностранная литература. – 1992. – №5–6.
9. Гари Р. Воздушные змеи // Иностранная литература. – 1994. – №1.
10. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1997.
11. Данеш Ф. К семантике основных синтаксических формаций / Ф. Данеш, К. Гаузенблас // Грамматическое описание славянских языков. – М., 1974.
12. Бернштайн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М., 1966.
13. Энгельгардт В.А. Познание явлений жизни. – М., 1984.

14. Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. – М., 1977.
15. Серебровский П.В. История органического мира. – М.; Л., 1931.
16. Сачков Ю.В. Автономность в причинных сетях // Причинность и телеонимизм в современной естественно-научной парадигме. – М., 2002.
17. Шмальгаузен И.И. Факторы эволюции. – М., 1968.
18. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса. – Пермь, 2002.
19. Жаринов В.М. Философские науки в таблицах и схемах. М., 2000.
20. Джеймс У. Воля к вере. – М., 1997.
21. Круглов В.В. Искусственные нейронные сети. Теория и практика / В.В. Круглов, В.В. Борисов. – М., 2001.
22. Гумбольдт В. фон. О различении строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
23. Derrida J. Marges de la philosophie. – Paris, 1972.
24. Jameson F. The Cultural Turning. – New-York, 1998.
25. Янценецкая М.Н. Модели лексического значения // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. – Томск, 1991.
26. Dyson F. Infinite in All Directions. – New-York, 1988.
27. Capra F. The Tao of Physics. – New-York, 1975.
28. Курода К. Праксиология. Философия субъективности межчеловеческих отношений (К исследованию диалектики Маркса как логики топоса-процесса). – М., 2001.